

АНДРЕЙ НИКИТИН

*Папайя
для Брежнева*

Андрей Никитин
Папайя для Брежнева.
Воспоминания переводчика
о войне в Анголе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69345946

Папайя для Брежнева Воспоминания переводчика о войне в Анголе :

Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-189486-3

Аннотация

В истории нашей страны осталось еще немало практически неизвестных широкой публике страниц. Участие советских вооруженных сил в войне, начавшейся в Анголе в 1975 году, – одна из тайных операций СССР, долгое время державшаяся в полном секрете. Книга написана участником событий, проходящим службу в Народной Республике Ангола в восьмидесятых годах прошлого столетия в качестве военного переводчика. Автор приоткрывает завесу молчания, откровенно и красочно рассказывая о том, как он, будучи студентом элитного московского вуза, попал в далекую африканскую страну, о политических и военных перипетиях той засекреченной кампании Советского Союза и своих личных впечатлениях от пережитого.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	11
Секреты элитного вуза	11
Почему именно португальский?	20
Чему нас учили в инязе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Никитин Папайя для Брежнева Воспоминания переводчика о войне в Анголе

© Андрей Никитин, 2023

* * *

*Куда нас, дружище, с тобой занесло?
Суровое это армейское дело.
Нелегкое наше с тобой ремесло.
Где наша, российская, кровь не адела?*

Александр Поливин

Вместо предисловия

Самолет плавно заходил на посадку. Внизу, под неправдоподобно синим африканским небом, уже виднелись крыши Луанды. Спустя всего несколько минут мы ступим на землю Анголы, совершенно недостижимой для большинства советских граждан страны, где нам предстоит пережить самые яркие эпизоды своей молодости, пройти своеобразную школу жизни вдали от Родины, встретить потрясающих людей, запоминающиеся приключения и суровые испытания.

Ангола – страна поистине удивительная. Здесь в диких джунглях находится второй по величине водопад на континенте, обитает множество уникальных животных, а глубины земли скрывают огромные сокровища – нефть и алмазы. Но нас ожидали не чудеса природы и не богатства недр. Мы летели на войну. Мы прибыли в Анголу полными сил и энергии наивными юношами, жаждущими сделать мир лучше, а вернулись оттуда зрелыми людьми, осознавшими, насколько жизнь на самом деле сложна и непредсказуема, а граница между добром и злом – размыта и неоднозначна. Все пережитое в этой далекой африканской стране осталось с нами навсегда.

Война в Анголе и сегодня для большинства наших соотечественников остается за гранью их знаний об истории африканского континента. А вокруг участия в конфликте со-

ветских войск и вовсе была создана плотная завеса тайны. У советских военных, побывавших там, в личных делах никаких отметок о службе в Африке нет. У некоторых вместо записи о загранкомандировке стоит лишь штамп с номером воинской части 10-го Главного управления Генерального штаба ВС СССР.

Но означенные события заслуживают того, чтобы их обсуждали и даже писали о них в учебниках. И сейчас, спустя несколько десятилетий, я уже имею право и возможность рассказать о том, что происходило тогда за тысячи километров от границ нашего Отечества, и в чем мне довелось поучаствовать лично.

Тогда, практически впервые в истории СССР, была поставлена задача не просто помочь другой стране в строительстве национальной армии, борьбе с внутренней оппозицией и отражении внешней агрессии – Ангола рассматривалась советским руководством как «дверь» в Африку.

До прихода к власти приверженцев марксизма – Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) – у СССР не возникало такого мощного и надежного союзника на юге африканского континента. Цель кампании была очевидной: всеми доступными силами и средствами помочь новому руководству страны превратить Анголу в эталон африканского социалистического государства, целиком и полностью ориентирующегося на Советский Союз.

Но воплотить такой план было нелегко, так как не только правительство СССР, но и руководство других государств самым внимательным образом следило за событиями в Южной Африке. В этом регионе, охваченном мощным антиколониальным и национально-освободительным движением, столкнулись интересы великих держав: СССР, США, Китая, ряда стран Европы, а также белого расистского правительства ЮАР или, как его называли, «режима апартеида». Собственные устремления и цели, не всегда совпадавшие с интересами своих могучих союзников, имели и лидеры национально-освободительных движений Анголы, Конго, Намибии, ЮАР, Южной Родезии (Зимбабве). Размах конфронтации, как и количество вовлеченных в конфликт сил, вышли далеко за рамки какой-либо одной страны и постоянно нарастающими темпами превращали эту «горячую точку» планеты в масштабную зону нестабильности, грозящую превратиться в очаг глобального конфликта между ведущими ядерными державами.

Начиная с 1975 года, с приходом к власти лидера национально-освободительного движения Агостиньо Нето, Ангола стала ключевой стороной в этом конфликте. Стремясь закрепить свое влияние на юге Африки, советское руководство сделало ставку на МПЛА, и в далекую африканскую страну широким потоком начала поступать военно-финансовая помощь. Вдобавок к этому туда был направлен контингент советских военных советников – один из самых больших, ко-

гда-либо побывавших в странах третьего мира, в некоторые годы достигавший 2000 человек.

Ангола представляла собой объект интереса со стороны руководства советскими вооруженными силами в плане глобального противостояния США. Сразу же после провозглашения независимости Анголы между СССР и НРА было подписано соглашение об использовании советскими вооруженными силами военной инфраструктуры страны. Ее военно-морские базы поступили в распоряжение советской оперативной эскадры, а военно-воздушные базы были предоставлены для посадок нашей стратегической, в первую очередь разведывательной, авиации. С 1975-го по конец 80-х годов XX века Ангола превратилась в мощный форпост СССР на Юге Африки, в его верного политического и военного союзника. Но эту военную и политическую базу необходимо было защищать изнутри, что и делали наши советники, специалисты и прикрепленные к ним переводчики.

А между тем военные действия в Анголе не прекращались ни на один день на протяжении почти четверти века. Наибольшее число погибших и раненых наших соотечественников в той до сих пор многим неизвестной войне приходится на вторую половину 80-х годов. Именно в те годы я со своими товарищами по инызу оказался в Анголе и в полной мере смог ощутить сложность и опасность нашей миссии. В то время как мои соотечественники читали советские газеты, где не было ни единого упоминания об участии СССР

в судьбе этой африканской страны, мы работали бок о бок с нашими военными – настоящими героями, чьих имен не знает официальная история. И мне кажется, пришло время рассказать о них и о том, что тогда происходило в «далекой жаркой Африке».

Часть первая

Иняз в советские годы

Секреты элитного вуза

День 10 сентября 1979 года навсегда вошел в историю Анголы – в Кремлевской больнице в Москве (ЦКБ) после сложной операции по резекции рака печени умер президент республики Антонио Агостиньо Нето. Именно его усилиями Ангола стала страной, сблизившейся с СССР настолько, что Союз решил оказать ей военную поддержку. Но мы, тогдашние первокурсники иняза, даже не предполагали, что этот человек, даже будучи уже мертвым, сыграет особую роль в нашей жизни.

В сентябре 1979 года мы только начинали учебу на переводческом факультете Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза (МГПИИЯ). Этот вуз входил в число так называемых «блатных» советских учебных заведений наряду с МГИМО и МГУ. Он негласно считался элитным, окутанным ореолом таинственности, романтики и «причастности». Его выпускники, получив отличное образование и знание одного-двух языков, распределялись в организации, работа в которых

предполагала зарубежные поездки, что было весьма денежно и престижно, особенно учитывая то, что в нашей стране царил тотальный дефицит качественных товаров. Поездки советских граждан за границу были явлением редким и «не для всех», как метко выразилась в своем блоге пресс-секретарь МИД РФ Мария Захарова. Ее за это высказывание либеральная общественность активно критиковала, но по сути Захарова сказала чистую правду: за рубеж в те времена, в основном, выезжали сотрудники МИДа, Росзагранбанка, Общества Дружбы Народов, Внешторга и лишь изредка – туристы, ударники производства (последние чаще в Болгарию, Польшу и другие соцстраны). Рядовые же наши соотечественники видели «заграницу» разве что по телевизору.

Хорошо зная английский или немецкий, а также русский язык и историю, поступить в иняз было не так уж трудно. Однако следует заметить, что школьная программа не предполагала получение качественных знаний иностранного языка. Вариантов достижения достаточного для поступления в иняз уровня языка было два – либо пожить с родителями-работниками советских загранучреждений за рубежом, либо активно заниматься с репетиторами год-два до поступления, что стоило очень недешево. Соответственно, при кажущейся доступности, успешное поступление в иняз светило отнюдь не всем юным советским гражданам.

Что касается моей ситуации, то тяга к языкам у меня обнаружилась еще в начальных классах, а в средней школе, по-

сеща разные иностранные выставки в парке «Сокольники», я уже мог с легкостью спросить у представителей иностранных компаний все, что интересовало меня, друзей или родителей. Помнится, иностранцев изумляло, что юный советский школьник способен вполне сносно объясняться на английском языке. Думаю, я значительно поднял имидж советской системы образования в их глазах. Меня регулярно посылали на олимпиады по английскому, где я гордо занимал то второе, то третье место по району, за что всегда числился на хорошем счету у нашей «англичанки» и руководства школы.

Потом, как помню, были курсы английского языка для взрослых, и я в целом не сильно отличался успехами от «взрослых дядь и тетя» – инженеров и геологов, собирающихся в командировки в зарубежные страны. Но, несмотря на достаточно хорошие навыки в разговорном языке и английской грамматике, было решено на пару месяцев определить меня к хорошему репетитору, дабы он устранил все имеющиеся у меня языковые недочеты и подготовил к институтским экзаменационным требованиям. Наши друзья посоветовали довольно молодого, но маститого репетитора из МГУ.

И вот я отправился на первое занятие на квартиру к новому преподавателю на улицу Грановского, что рядом с метро «Библиотека им. Ленина». Это оказалось красивое старинное строение с вензелями, граничившее с бывшим «Воен-

торгом». (Позже тот дом, несмотря на свою примечательную историю, был снесен, а на его месте появился то ли торговый, то ли бизнес-центр).

Раньше я думал, что в таких зданиях не живут, а лишь устраивают музеи и Дворцы пионеров. Но оказалось, что это обычный жилой дом, разве что с консьержем в очень помпезном подъезде, окрашенном в оливковый цвет. Перед входом в дом я заметил целый ряд табличек, указывающих, что здесь в разные годы жили крупные военачальники – маршалы Жуков, Конев, Рокоссовский, Чуйков, а также партийные работники, такие как Троцкий, Фрунзе, Жданов, Молотов, Хрущев, Косыгин и другие.

Дом 3 по ул. Грановского (ныне – Романов пер., а ранее ул.

Шереметьевская) – «Дом Советов № 5», где я штудировал английский перед поступлением в иняз.

История этого «обычного» дома, которую я узнал позже, впечатляла. Началась она в конце XIX века, когда хозяин этого участка земли, Александр Дмитриевич Шереметев, решил возвести несколько построек с целью сдачи квартир в аренду. Проект был поручен архитектору Мейснеру, уже выполнившему ряд успешных работ для Шереметева. В результате эффектный ансамбль из шестиэтажных зданий был расположен так, что внутри размещался красивый двор, оборудованный фонтаном.

Этот жилой комплекс тотчас сделался элитным – музыканты Московской консерватории и артисты Большого театра, которых опекал владелец зданий Шереметев, оценили изысканность и комфорт новых зданий. Например, среди здешних жильцов несколько лет числился известный русский композитор и пианист Антон Степанович Аренский.

После революции роскошные квартиры были национализированы, и элегантные корпуса бывшего Шереметьевского дома стали носить название «5-й Дом Советов». Здания по-прежнему считались элитными, только теперь здесь проживали семьи советских военачальников, служащих государственных организаций и академиков. Разумеется, «5-й Дом Советов» не обошли сталинские репрессии, семьи «врагов

народа» теряли право на проживание здесь, и просторные квартиры принимали новых жильцов.

Конечно, тогда, придя впервые на занятия к репетитору, я всего этого еще не знал – просто глядя на величественный фасад здания, испытывал необъяснимый трепет. При входе в подъезд консьерж уточнил, к кому я иду, и пропустил без лишних вопросов. В огромной пяти- или шестикомнатной квартире меня встретила молодая симпатичная женщина – она и оказалась моим репетитором. Мы прошли в ее кабинет, который выглядел словно кадр из фильма про товарища Сталина: снизу стены обиты старинным дубовым шпоном, а сверху обтянуты оливковым шелком в цветочек. Было заметно, что отделка сохранилась еще с прежних времен. Имя репетитора – Лариса – тоже невольно навевало революционные ассоциации. Я пережил тогда удивительное ощущение, словно вживую соприкоснулся с историей нашей страны, почувствовал дух времени, сохранившийся в этих стенах...

Лариса быстро оценила мой уровень знаний, наметила план действий, и мы начали «прорабатывать» времена – пожалуй, самое сложное в английской грамматике. Пока мы занимались, я все собирался с духом, чтобы спросить: кто из перечисленных на табличках великих людей жил прежде в этой квартире – Жданов, Троцкий, а может, Хрущев или Жуков? Но так и не осмелился задать мучивший меня вопрос – решил, что это будет нетактично. Позже мой товарищ, занимавшийся с этим репетитором уже больше года, расска-

зал, что Лариса – внучка бывшего министра иностранных дел СССР В. М. Молотова и сводная сестра политического деятеля и писателя Вячеслава Никонова.

С учетом моего достаточно неплохого базового уровня языка, за пару месяцев мы подтянули времена глаголов, структуру фраз и пересказ, что позволило мне получить высший балл по английскому на вступительном экзамене. За что я по сей день благодарен Ларисе, так как поступление в иняз стало одним из важнейших событий в моей жизни.

Поскольку вуз, куда я хотел поступить, считался «особым», в приемную комиссию помимо характеристики из школы нужно было предоставить рекомендацию из райкома комсомола. Без нее абитуриенты даже не допускались к экзаменам.

Но если ты считался комсомольским активистом, ни разу не был уличен в нарушении порядка и хорошо учился – как в моем случае, – то нужную бумажку выдавали без проблем. Мою кандидатуру обсудили сначала на бюро ВЛКСМ школы, а затем и на бюро райкома ВЛКСМ в здании райкома Первомайского района на Семеновской площади – и я получил необходимые рекомендации.

МГПИИЯ им. Мориса Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза).

Сдав английский и историю на пятерки, а русский и литературу на четверки, я набрал достаточно баллов, чтобы попасть в заветный список студентов МГПИИЯ им. Мориса Тореза.

Стоит упомянуть, что в инязе было два факультета: переводческий и педагогический. Первый готовил переводчиков, второй – учителей французского, английского или немецкого языков. Педагогический считался «женским» факультетом, а переводческий – «мужским»: более 90 процентов учившихся со мной студентов составляли юноши, на деву-

шек же приходилось 5–10 процентов. Это были, в основном, дочери министров и других крупных советских чиновников – лицам женского пола для поступления на переводческий требовалось особое разрешение то ли ректора, то ли декана факультета.

Девушки на нашем курсе были видные, из «хороших» семей и весьма обеспеченные. Порой, правда, случались эксцессы: так, отец одной студентки, будучи руководителем Внешторга (или другого подобного ведомства), оказался обвиненным в хищении и позже даже был расстрелян. Несмотря на это, его дочь продолжала учиться – никто ее из института не исключил. Видимо, озвученный Сталиным принцип «сын за отца не отвечает» в брежневско-андроповский период стал вполне реальным.

Почему именно португальский?

Собственно, своей последующей командировкой в Анголу я был обязан в первую очередь португальскому языку. Вообще-то я хотел пойти по «пути наименьшего сопротивления» и поступить на отделение английского, но хитрая судьба забросила меня на романское отделение с португальским языком в качестве основного. Дело в том, что каждый год МИД, Внешторг и другие учреждения, нуждающиеся в специалистах, планировали потребность в переводчиках того или иного языка, и институт в соответствии с конъюнктурой этих организаций набирал студентов.

В тот период стало очевидным, что Португалия, освободившаяся от гнета тирана Салазара и давшая вольную своим колониям, таким как Ангола, Мозамбик, Сан-Томе, Принсипи, Кабо-Верде, запустит процесс более активных политических, военных и гуманитарных связей СССР с этими государствами. Отсюда и родилось решение создать в МГПИИЯ им. Мориса Тореза целых три группы португальского языка на курсе.

Узнав, что попал в «португальскую» группу, я поначалу очень расстроился, у меня даже возникло желание пойти в деканат «качать права» – чтобы меня перевели на знакомый мне английский. Однако моя тетя, узнав о моих проблемах, настойчиво порекомендовала, как сейчас говорят, «от-

пустить ситуацию» и не вмешиваться в ход событий. Будучи филологом, она знала толк в языках и перспективах их применения и, поддавшись ее авторитету, я «сложил оружие».

В результате мне пришлось изучать этот редкий, но, как стало понятно потом, достаточно востребованный в стране и в мире язык. Португальский сильно напоминает испанский, но больше всего походит на современный галисский/ каталанский. Интересная деталь: те, кто говорит на португальском, легко понимают испаноговорящих, однако последние с трудом понимают португальцев, так как португальский язык полон носовых звуков и редуций – и все это сливается в единое звучание, делая речь с трудом воспринимаемой на слух.

Как известно, португальский базируется на латинском, как и большинство романских языков, и является третьим по распространенности в мире среди европейских языков. На нем как на родном говорят около 250–270 миллионов человек. 80 процентов из них приходятся на Бразилию, оставшиеся – на Анголу, Мозамбик, Кабо-Верде, Гвинею-Биссау, Сан-Томе и Принсипи, индийскую Гоа и китайский Макао.

В результате «революции гвоздик» в Португалии в 1974 году был свергнут фашистский режим, все вышеперечисленные страны открыли границы и начали двусторонние отношения с миром, включая Советский Союз, который протянул руку помощи большинству из этих освободившихся от гнета государств.

В описываемые мною времена, руководствуясь принципом пролетарского интернационализма, СССР активно поддерживал молодые государства, получившие независимость, оказывая им политическую, техническую и другую помощь. Кроме Анголы в список входили Мозамбик, Куба, Алжир, Египет, Вьетнам, Сирия, и другие страны. Туда посылались специалисты из разных отраслей народного хозяйства, разнообразные советники. Вместе с ними ехали и переводчики. В общем, получение диплома иная жизнь нам могло обеспечить яркую и нескучную.

Чему нас учили в инязе

Обучение на португальском отделении, как и на других, строилось по принципу полного погружения в язык, его грамматику, лексику, а также историю и страноведение. Институт возглавляла в то время профессор, специалист по немецкому языку Наталья Кузьминична Бородулина, переводческий факультет – декан, незабвенный Юрий Иванович Горшунов. Мы не знали языковой специализации декана, но зато вскоре оценили его феноменальную память – он называл по имени и фамилии каждого из двухсот студентов факультета уже со второй недели после сдачи вступительных экзаменов. Юрий Иванович не раз нам помогал, вытаскивая из сложных ситуаций, в которые периодически попадают практически все студенты.

В день нам полагались 2–3 часа практических занятий, далее следовали грамматика, фонетика, языкознание плюс история КПСС и политэкономия – обязательный набор предметов для любого вуза тех времен. Знания языка институт давал и по-прежнему дает превосходные. Представьте себе: на протяжении пяти лет (а именно столько мы учились) каждый день проходили практические занятия на выбранном языке, затем домашнее чтение, плюс на старших курсах перевод, включая синхронный. Неудивительно, что иняз, а точнее, его переводческий факультет, пополнял ряды перевод-

чиков ООН в Женеве и в Нью-Йорке, а также работников МИДа и других престижных госучреждений.

Помимо языкового образования в Институте им. Мориса Тореза была неплохая подготовка по общеобразовательным дисциплинам, таким как литература (русская и изучаемого языка), русский язык с обязательной защитой сложной курсовой, история КПСС, философия, основы марксизма-ленинизма, страноведение.

Помнится, историю КПСС нам преподавала профессор Елена Михайловна, ей было лет под девяносто. Она, по ее собственным словам, «еще застала борьбу с троцкизмом в молодой Советской республике»... А важный предмет, который впоследствии мне очень пригодился в жизни, – страноведение португалоязычных стран – вел молодой преподаватель, работавший на постоянной основе то ли в соседнем МГИМО, то ли в Академии общественных наук и приходивший в иняз на пару лекций в неделю.

Сам он окончил МГИМО, блестяще владел португальским, французским, итальянским, словацким и английским языками. Его однокашником по институту был известный ныне бизнесмен и общественный деятель Алишер Усманов, а близким приятелем – Виталий Чуркин, в будущем постпред Российской Федерации в ООН.

Преподаватель был хорош собой, всегда элегантно, с иголочки, одет, многие девушки на курсе были влюблены в него. Он отлично знал историю современной Португалии и ее ко-

лоний, усердно пытался донести до нас все ужасы правления Салазара в Португалии, увлекательно рассказывал о быте коренных народностей Анголы и Мозамбика. Его лекции были очень интересными и познавательными, и многие знания весьма пригодились нам в дальнейшем. Звали этого преподавателя Сергей Владимирович Ястржембский. Нам он запомнился человеком, словно сошедшим с картинки из модного западного журнала. Ястржембский любил носить укороченные кожаные элегантные куртки, которые делали его похожим не на красного комиссара, а, скорее, на Бельмондо в фильме «Профессионал».

Мы и представить не могли, что наш молодой симпатичный учитель спустя 10 лет станет сначала директором Департамента информации и печати МИД СССР, а затем в 1996 году – пресс-секретарем Президента Российской Федерации Бориса Ельцина.

Ястржембский продолжил свою карьеру и после ухода Ельцина уже в качестве помощника президента, а затем – представителя Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом. Мне хочется подробнее остановиться на некоторых фактах биографии этого неординарного человека, которые наверняка помнят мои ровесники, но вряд ли они известны более молодому поколению.

Наш преподаватель страноведения Сергей Ястржембский – в дальнейшем заместитель руководителя Администрации Президента РФ. (Фото с сайта politobzor.net)

С. В. Ястржембский на посту помощника Президента Российской Федерации Владимира Путина. (Фото РИА Новости)

Сергей Владимирович числился пресс-секретарем Ельцина до сентября 1998 года. После того как в Госдуме дважды не прошло утверждение Черномырдина на пост председателя правительства РФ, Ястржембский оказался в числе ряда политических деятелей, обратившихся к Президенту с предложением рассмотреть еще ряд вариантов. Среди названных ими кандидатур оказались Примаков (которого в итоге и выбрал Ельцин) и Лужков. Наличие в списке Лужкова вызвало раздражение главы кремлевской администрации (и зятя Ель-

цина) Юмашева, расценившего этот факт как лоббирование интересов мэра Москвы. Посему все авторы альтернативного предложения, в том числе и Ястржембский, вскоре лишились своих постов в окружении Президента. Лужков оценил инициативу Ястржембского, и по возвращении из отпуска, который тот провел в Африке, назначил его на должность заместителя премьера Правительства Москвы.

С 20 января 2000 года Ястржембский стал помощником Президента Российской Федерации Владимира Путина. Под руководством Сергея Владимировича было создано Управление по чрезвычайным информационным ситуациям (освещавшее наиболее резонансные события в стране, в том числе гибель экипажа подводной лодки «Курск», теракт на Дубровке и проведение контртеррористической операции в Чечне).

В 2004–2008 годах Ястржембский был специальным представителем Президента Российской Федерации по вопросам развития отношений с ЕС. В мае 2008 года вступил в должность новый Президент РФ – Дмитрий Медведев, в команде которого Ястржембский себя не видел и от его предложений отказался. Этот переходный момент Сергей Владимирович счел оптимальным для завершения политической карьеры.

Дальнейшую жизнь он посвятил охоте, путешествиям, съемкам фильмов и ведению блогов. Ястржембский решил снять цикл документальных кинолент, повествующих об исчезающих народах континента. В 2016 году он представил

зрителям документальную картину «Кровавые бивни», в которой рассказал о чудовищных масштабах истребления слонов в Африке. Фильм стал сенсацией и завоевал множество наград на мировых кинофестивалях, в том числе был номинирован на премию «Оскар» в категории «Лучший документальный фильм». Не менее успешной стала в творчестве Сергея Владимировича картина «Африка: кровь и красота», посвященная традициям и образу жизни самобытных племен этого континента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.